

Шаповалов Сергей Николаевич

аспирант кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета
shapovalov07@gmail.com

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
И ПРОВЕДЕНИЯ
ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАЗДНИКА
В 1918 Г.**

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению опыта организации первого государственного праздника в Советской России. Внимание уделено изучению его значимости для государства, воспоминаниям современников и их оценкам, а также проблемам, с которыми пришлось столкнуться организаторам.

Ключевые слова:

советский массовый праздник, Красное Знамя, демонстрация, торжество, пролетарский праздник.

Shapovalov Sergey Nikolaevich

post-graduate student of the chair of
history and culturology,
Kuban State University
shapovalov07@gmail.com

**THE FEATURES OF
ORGANIZATION
AND CONDUCTION OF
THE FIRST SOVIET
STATE CELEBRATION IN 1918**

The summary:

The article considers the experience of organizing the first state celebration in Soviet Russia. The attention is paid to its significance for the state, the memoirs of contemporaries, and their estimates, as well as the problems faced to the organizers.

Keywords:

Soviet mass celebration, Red Flag, demonstration, festival, proletarian celebration.

После прихода к власти партии большевиков в Советской России началась работа по преобразованию старых социально-экономических, общественно-политических и культурных отношений. Одним из результатов таких преобразований стало формирование особого типа праздника, получившего название раннего советского массового праздника. В значительной мере, по мнению В.Н. Поповой и Л.А. Шумихиной, это было обусловлено тем, что эпохе слома любых традиций свойствен идеологический вакуум, который заполняется в том числе новыми праздниками [1, с. 26]. Поэтому уже с начала апреля 1918 г. в Советской России началась организация предстоящего празднования 1 Мая, которое должно было отмечаться как событие общегосударственного масштаба. Однако все усилия могли оказаться тщетными, поскольку в условиях гонений, начавшихся со стороны советской власти на православную церковь, духовенство изменило позицию относительно своего участия в праздновании 1 Мая. В связи с тем что этот день в 1918 г. приходился на среду Страстной Седмицы (когда на богослужениях вспоминается предательство Иудой Иисуса Христа), Поместный собор 7 апреля 1918 г. принял постановление о недопустимости для верующих в этот день принимать участие в каких-либо уличных шествиях, оскорбляющих религиозные чувства православных [2, с. 341]. В постановлении собора, в частности, отмечалось: «В скорбные дни Страстной Седмицы всякие шумные празднества и уличные шествия, независимо от того, кем и по какому случаю они устраиваются, должны рассматриваться как тяжелое оскорбление, наносимое религиозному чувству православного народа» [3].

Отметим, что советское правительство отреагировало на это постановление так: 13 апреля 1918 г. был подписан декрет «О невыдаче наградных к пасхе» [4, с. 99]. При чем отмена наградных мотивировалась достаточно высокими нормами ставок оплаты труда, при которых не было надобности ни в каких дополнительных вознаграждениях.

Следует обратить внимание, что в декрете наименование праздника было умышленно написано неграмотно с маленькой буквы, что, скорее всего, отражало стремление власти принизить значение этого события. Позже, 30 апреля 1918 г., СНК постановил: «Во время праздника пасхи число нерабочих дней во всех правительственных и общественных учреждениях не должно превышать пяти» [5, с. 225]. Отметим, что празднование Пасхи в 1917 г. состоялось 2 апреля и продолжалось 10 дней подряд, с учетом двух дней Страстной седмицы (пятница и суббота) и включая воскресенье следующей недели [6]. Таким образом, в 1918 г. действительно произошло сокращение праздничных дней. Однако предписание о количестве выходных дней так и не было выполнено. В дневниковых записях немецкого посла в Москве Карла фон Ботмера находим следующую заметку от 4 мая 1918 г.: «У нас несколько дней, свободных от заседаний, так как русские, несмотря на враждебное отношение к религии и множество срочных дел, в течение пяти дней празднуют Пасху, которая является здесь самым большим праздником года. Правительство разрешило до 1919 г. отмечать праздники православной церкви по отмененному календарю старого стиля» [7, с. 28]. Более того, еще в течение нескольких дней государственные учреждения фактически были закрыты, а немецкие послы осматривали достопримечательности Москвы [8, с. 32].

Несмотря на разногласия с духовенством, подготовка к празднику была продолжена. На заседании ВЦИК 8 апреля 1918 г. был принят декрет «О флаге Российской Республики». Флагом устанавливалось Красное Знамя с надписью «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика» [9]. Утверждение в качестве флага Красного Знамени отнюдь не являлось случайным. Достаточно вспомнить, что во время празднований, проходивших в 1917 г., красный цвет являлся неременным атрибутом торжеств. Он присутствовал в виде бантиков на шинелях и пальто, флагов и знамен [10, с. 129]. По мнению исследователей ранних советских праздников, еще со времен Парижской коммуны 1871 г. Красное Знамя олицетворяло собой идеи пролетарской революции и мирового пролетарского движения [11, с. 7]. А поскольку Советская Россия, будучи страной диктатуры пролетариата, считала себя преемницей Французской революции, заимствование Красного Знамени в качестве символа государственной власти было вполне закономерным и обоснованным. По этому поводу русский ученый К.А. Тимирязев писал: «Осознав впервые свою творческую силу в процессе строительства будущих судеб человечества, трудовые массы избрали символом этой силы именно красный цвет – красный цвет, в котором выражается работоспособность света в процессе созидания жизни! Цвет, лучше всего символизирующий просветительную силу человеческого разума, цвет, избранный мировой демократией эмблемой своей творческой силы в созидании грядущего общества, да послужит же он навсегда эмблемой единения демократии всего мира и символом единения между силою знания и мощи труда!» [12, с. 19].

Однако грандиозность и революционность задач по перестройке общественного сознания и образа жизни населения требовали более действенных форм. Поэтому задачу создания зримых, материальных символов революции и идей социально-культурного прогресса человечества были призваны решать средства монументальной пропаганды, и в частности монументальное искусство. Характерной чертой каждого советского общегосударственного праздника стало открытие мемориалов, памятников, обелисков, отражающих идеи революции. Этот процесс получил свое законодательное закрепление в принятом СНК 12 апреля 1918 г. «Декрете о памятниках Республики». В соответствии с ним, памятники, «воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежали снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию в утилитарных целях» [13]. Особой

комиссии из народных комиссаров по просвещению и имуществу Республики и заведующему Отделом изобразительных искусств при Комиссариате просвещения поручалось по соглашению с художественной коллегией Москвы и Петрограда определить, какие памятники подлежали снятию. Кроме того, той же комиссии поручалось спешно подготовить замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т. д. новыми, которые отражали идеи и чувства революционной и трудовой России. По этому поводу В.И. Ленин отмечал: «Важнее надписей я считаю памятники, бюсты или целые фигуры, может быть барельефы, группы, которые должны стать актом пропаганды и маленьким праздником» [14, с. 318]. Забегая вперед, отметим, что поручение СНК было выполнено не в полной мере, так как во время празднования 1 Мая на кремлевских зданиях государственные гербы и царские эмблемы лишь замаскировали красной материей, на фоне которой художественно изображались эмблемы новой России [15]. Схожие сведения содержатся и в записях Карла фон Ботмера от 2 мая 1918 г.: «Тягостное чувство возникает при виде сплошь увешанных красными флагами фигур императоров Александра II и Александра III. Четыре огромных двуглавых орла на памятнике Александру III держат в своих клювах огромные кровавого цвета знамена. Но этого мало – глаза императора завязаны черной материей, траурно ниспадающей до земли» [16, с. 23].

В то же время не вызывает сомнения, что этот декрет положил начало развитию советской монументальной пропаганды и искусства, однако отметим тот факт, что процесс изменения символического пространства начался еще после Февральской революции. Он нашел свое отражение в переименовании улиц, площадей и даже географических объектов [17], связанных с самодержавием, демонтаже памятников, отмене «царских праздников» и т. д. Однако этот процесс проходил стихийно и хаотично и не был закреплен законодательно. Кроме того, взамен старых символов не создавались новые, а следовательно, появлялся вакуум, который и стал заполняться формами пролетарской культуры.

Особо следует отметить, что принятый декрет способствовал сохранению историко-культурного наследия, поскольку памятники, объявлявшиеся художественной ценностью, подлежали охране государства. Например, в Екатеринодаре комиссаром внутренних дел был издан следующий приказ: «Так как памятники являются народным достоянием, живым свидетелем прошлой истории народа – никакой порче или уничтожению не подлежат, а наоборот – охране всеми гражданами. Лица, уничтожающие памятники, будут рассматриваться как хулиганы и грабители» [18].

Наряду с этим, в середине апреля стали создаваться специальные комиссии, на которые были возложены задачи по организации празднования 1 Мая. Комиссии разрабатывали общую концепцию торжеств и принимали самое непосредственное участие в воплощении замыслов в жизнь. Например, в Петрограде вся организационная работа возлагалась на Петроградский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, Губернский Совет профессиональных союзов и Петроградский отдел Наркомпроса. При Петровете была создана Центральная праздничная комиссия с десятью специализированными подкомиссиями: финансовой, по устройству митингов, по освещению, по художественному оформлению, по наблюдению за санитарным порядком, оказанию медицинской помощи и др. [19, с. 248]. Комиссия разработала общий церемониал предстоящей демонстрации, определила центральное место празднества, которым стало Марсово поле, т. е. место захоронения героев революции, и разработала маршрут движения колонн и опорных пунктов, на которых необходимо было сделать остановку. Аналогичные вопросы решала московская первомайская комиссия, в состав которой вошли представители от следующих организаций: ЦИК, Исполнительного комитета Московского Совета,

Московского РКП (б), Пролеткульта, художественно-просветительского отдела Московского Совета, районных Советов рабочих депутатов и др. Комиссии было отпущено 200 тыс. руб. для приобретения красной материи на драпировку, на устройство грандиозных знамен и создание плакатов [20, с. 45–46]. Впоследствии модель образования специальных комиссий по организации празднований была реализована по всей стране.

Непосредственно перед самим торжеством, 26 апреля, было выпущено «Обращение ВЦИК ко всем губернским, уездным, волостным Советам о принятии мер к организации первомайского празднества и о его лозунгах» [21, с. 174]. В нем, в частности, предлагалось всем Совдепам принять все меры к организации первомайского празднества, как можно лучше разработав его планы и основные лозунги, отражающие политический курс молодого пролетарского государства, под которыми должно было пройти торжество. В их числе: «Да здравствует Советская власть – диктатура рабочих и крестьян над буржуазией», «Кто не трудится – тот не ест», «Победив капиталистов, мы должны победить собственную неорганизованность – только в этом спасение от голода и безработицы» [22, с. 175].

1 мая 1918 г. страна отмечала пролетарский праздник, который носил подчеркнuto государственный характер. Его статус был отмечен как в официальных документах: «В этот торжественный день 1 мая правительство будет выступать не против народа, как во всех остальных странах, а идти вместе с рабочими и крестьянами» и «Государственная власть – Советская власть – власть трудовых масс в 1 мая видит свой праздник» [23], так и в воспоминаниях современников. Например, непосредственный организатор и участник первомайских торжеств, народный комиссар просвещения А.В. Луначарский оставил следующее воспоминание о празднике: «Гремели салюты с Петропавловской крепости. Да, празднование Первого мая было официальным. Его праздновало государство. Мощь государства сказывалась во многом. Но разве не знаменательна сама идея, что государство, доселе бывшее нашим злейшим врагом, теперь – наше и празднует Первое мая, как свой величайший праздник?» [24, с. 83].

В этот день в ряде городов – Москве, Петрограде, Киеве, Саратове, Воронеже, Калуге, Екатеринодаре и во многих других – состоялись праздничные многотысячные митинги, демонстрации и шествия. Города были украшены тысячами знамен, лозунгами и плакатами, на которых были начертаны революционные лозунги. Не вызывает сомнения, что празднества, проходившие в Москве и Петрограде, отличались большей грандиозностью и декорированностью, чем все остальные, поскольку в распоряжении Центра имелись необходимые материальные и людские ресурсы. Например, в Петрограде, по воспоминаниям А.В. Луначарского, «уже днем флот, расцветившись тысячами флагов, придал великолепной Неве такой нарядный вид... вечером началась изумительная борьба света и тьмы. Десятки прожекторов бросали световые столбцы и белыми мечами скользили в воздухе. Их яркий луч ложился на дворцы, крепости и корабли, мосты и вырывал у ночи то одну, то другую красу нашего пленительного Северного Рима. Взвились ракеты, падали разноцветные звезды» [25, с. 211]. По сообщению газеты «Известия ВЦИК», «Город был роскошно декорирован. Вдоль всего Невского проспекта по всем мостам через Неву тянулись гирлянды красных флагов. Дома пестрели красными знаменами и майскими плакатами» [26]. Интересные наблюдения о подготовке и проведении праздника в Москве сделал Карл фон Ботмер: «Всюду, где работают правительственные учреждения и живут рабочие Москвы, город украшается к Первомаю, который должен быть отпразднован по-особому... Днем по возможности лучше оставаться дома, чтобы избежать возможных неприятностей в связи с демонстрациями, «воодушевлением» и страстным увлечением масс празднуемой идеей мировой революции и всеобщего братства. Сколько рус-

ских празднуют сегодня победу социализма с искренним убеждением и твердой уверенностью в том, что наступила эпоха счастья?.. День прошел повсюду спокойно. Во время прогулки нашим глазам предстала картина «красного» города, стены Кремля наполовину исчезли под красными полотнищами. Особенно на Красной площади, где похоронены павшие во время революционных боев и где состоялись главные праздничные действия. Глазу некуда деться от красок цвета крови» [27, с. 19–20].

Однако существует и другая оценка относительно прошедшего празднования. Как сообщала «Красная газета», «с точки зрения празднично-изобильной жизни, Первомай 1918 г. в Петрограде был трудным и нищим. По продовольственным карточкам выдавались к празднику одна сайка и половина селедки по первой, т. е. пролетарской, категории» [28]. По сведениям Н.С. Полищук, в голодном 1918 г. жителям Петрограда, Москвы и некоторых других городов к пасхальным праздникам (Первомай как раз приходился на этот период) выдавали «усиленные» продовольственные пайки, об ассортименте и размере которых население заранее извещалось через местные газеты [29, с. 19–585].

Таким образом, празднование 1 Мая положило начало развитию такого культурного явления, как ранний советский массовый праздник (государственный или революционный праздник). Для него были характерны следующие праздничные формы: процессии, шествия, митинги, театрализованные представления, военные парады, в том числе и с принятием присяги, летучие концерты на трамвайной платформе, грузовике, автомобиле или повозке. Подобное празднество создавало особую атмосферу открытости и публичности, которая присутствовала на митингах и демонстрациях. Советский массовый праздник был призван воодушевлять людей, собирать их вместе, объединяя одной идеей, зафиксированной в тысячах лозунгах и символах, способных пленить ум и сердце, а также мобилизовать на необходимые трудовые свершения. Кроме того, в первые годы существования советской власти массовые праздники на поприще коммуникации и пропаганды коммунистических идей зачастую соперничали с печатью и превосходили в этом отношении даже искусство.

Ссылки:

1. Попова В.Н., Шумихина Л.А. Трансформация форм праздничной культуры: игровой аспект // Известия Уральского государственного университета. 2008. № 55.
2. Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.). М., 2007.
3. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 632. Л. 3.
4. Декреты советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959.
5. Там же.
6. Календарь-карточка общества «Россия» на 1917 г.
7. Ботмер К. С графом Мирбахом в Москве: Дневниковые записи и документы за период с 19 апреля по 24 августа 1918 г. М., 1997.
8. Указ. соч.
9. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 31. ст. 415.

References (transliterated):

1. Popova V.N., Shumihina L.A. Transformatsiya form prazdnichnoy kul'tury: igrovoy aspekt // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. No. 55.
2. Babkin M.A. Duhovenstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi i sverzhenie monarhii (nachalo XX v. – konets 1917 g.). M., 2007.
3. GARF. F. 3431. Op. 1. D. 632. L. 3.
4. Dekrety sovetskoy vlasti. T. II. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. M., 1959.
5. Ibid.
6. Kalendar'-kartochka obshchestva «Rossiya» na 1917 g.
7. Botmer K. S grafom Mirbahom v Moskve: Dnevnikovye zapisi i dokumenty za period s 19 aprelya po 24 avgusta 1918 g. M., 1997.
8. Op. cit.
9. Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. 1918. No. 31. art. 415.

10. Жилкин В.А. Социалистические партии в дни падения монархии в России (по материалам Нижнего Поволжья) // Поволжский край. Вып. 12. Саратов, 2006.
  11. Тульцева Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР. М., 1985.
  12. Тимирязев К.А. Красное Знамя. М., 1958.
  13. Собрание узаконений и распоряжений... Ст. 416.
  14. Ленин и изобразительное искусство. М., 1977.
  15. Ботмер К. Указ. соч.
  16. Известия ВЦИК. 1918. № 87. 1 мая.
  17. ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. 2. Л. 38.
  18. ГАКК. Ф.Р-411. Оп. 2. Д. 294. Л. 111.
  19. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление : опыт историко-теоретического исследования. М., 1978.
  20. Декреты советской власти. Т. II.
  21. Там же.
  22. Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. Материалы и документы (1917–1932) / под ред. В.П. Толстого. М., 1984.
  23. Известия ВЦИК. 1918. № 87. 1 мая.
  24. Луначарский А.В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. М., 1981.
  25. Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1968.
  26. Ботмер К. Указ. соч.
  27. Известия ВЦИК. 1918. № 88. 3 мая.
  28. Красная газета. 1927. 11 ноября.
  29. Полищук Н.С. Развитие русских праздников // Русские / отв. ред. В.А. Александров и др. М., 1999.
10. Zhilkin V.A. Sotsialisticheskie partii v dni padeniya monarhii v Rossii (po materialam Nizhnego Povolzh'ya) // Povolzhskiy kray. Issue. 12. Saratov, 2006.
  11. Tul'tseva L.A. Sovremennye prazdniki i obryady narodov SSSR. M., 1985.
  12. Timiryazev K.A. Krasnoe Znamya. M., 1958.
  13. Sobranie uzakoneni i rasporyazheniy... Art. 416.
  14. Lenin i izobrazitel'noe iskusstvo. M., 1977.
  15. Botmer K. Op. cit.
  16. Izvestiya VTSIK. 1918. No. 87. May 1.
  17. GARF. F. 1779. Op. 2. D. 1. CH. 2. L. 38.
  18. GAKK. F.R-411. Op. 2. D. 294. L. 111.
  19. Mazaev A.I. Prazdnik kak sotsial'no-hudozhestvennoe yavlenie : opyt istoriko-tyeoreticheskogo issledovaniya. M., 1978.
  20. Dekrety sovet-skoj vlasti. T. II.
  21. Ibid.
  22. Agitatsionno-massovoe iskusstvo. Oformlenie prazdnestv. Materialy i dokumenty (1917–1932) / pod red. V.P. Tolstogo. M., 1984.
  23. Izvestiya VTSIK. 1918. No. 87. May 1.
  24. Lunacharskiy A.V. O massovyh prazdnestvah, estrade, tsirke. M., 1981.
  25. Lunacharskiy A.V. Vospominaniya i vpechatleniya. M., 1968.
  26. Botmer K. Op. cit.
  27. Izvestiya VTSIK. 1918. No. 88. May 3.
  28. Krasnaya gazeta. 1927. November 11.
  29. Polishchuk N.S. Razvitie russkih prazdnikov // Russkie / отв. red. V.A. Aleksandrov, et al. M., 1999.